

Бескурганное погребение Сопининского могильника: анализ с позиций полевой антропологии

Д. И. Ражев, П. Курто, О. В. Зайцева

Введение

Последние десятилетия отмечены заметной интенсификацией междисциплинарных исследований в археологии. Традиционное сотрудничество отечественной физической антропологии и археологии долгое время замыкалось в необходимых для археологов половозрастных определениях, расогенетических и отчасти палеодемографических исследованиях. Совсем недавно начало активно развиваться такое направление, как биоархеология (биоантропология).

Однако из поля зрения российских археологов и антропологов по-прежнему выпадает еще одно очень перспективное и нужное с практической точки зрения направление исследований, которое в русскоязычной литературе уместно обозначить как «полевая антропология». Данное направление возникло в Западной Европе и США в 60–70-х гг. XX в. на основе интеграции методов физической антропологии, археологии, тафономии и судебной медицины. Изучение всех особенностей положения скелета, реконструкция условий разложения и скелетирования трупа были осознаны как важные источники информации об особенностях погребального обряда [Duday, 1978; Garland, Janaway, 1987; Ubelaker, 1989; Roksandic, 2002; Saul J. M., Saul F. P., 2002]. Специалист-антрополог непосредственно в полевых условиях анализирует расчищенные скелетные останки и делает заключение о первоначальном положении тела в могиле, о его анатомической целостности на момент погребения, диагностируя первичность или вторичность погребения. На основе анализа взаиморасположения скелетных элементов определяются условия, в которых разлагалось тело (в заполненной грунтом или «пустой» могильной камере), устанавливается, было ли положение тела зафиксировано как-то дополнительно (обертывание, связывание), и определяются причины, приведшие к наблюдаемым постдепозиционным смещениям скелетных элементов.

Погребение, речь о котором пойдет далее, исследовалось сразу несколькими специалистами в вышеозначенной области и является в этом смысле пока еще редким исключением из общепринятой российской практики.

Материал

В 2002 г. Зауральской лесостепной экспедицией Института истории и археологии УрО РАН в сотрудничестве с Национальным центром научных исследований Франции раскапывались курганные могильные сооружения, расположенные между деревнями Сопинина и Спицина, Шатровского района Курганской области [Шарапова и др. 2003; Шарапова, 2003].

Было раскопано два кургана. Ориентировка погребенных преимущественно северная. В первом сооружении были обнаружены останки 10 человек, во втором — 5. Находки представлены железными и костяными наконечниками стрел, железными удилами (в том числе с бронзовыми стержневидными псалями), бронзовыми умбоновидными бляшками, бусами, пряслами, костяными накладками на лук, саргатской, гороховской и среднеазиатской керамикой. Материал и конструкция погребальных сооружений позволяет отнести курганы к саргатской общности. Тафономические наблюдения, погребальный инвентарь, планиграфия и стратиграфия выявленных объектов дают основания выделять три периода использования некрополя в пределах IV в. до н. э. — II в. н. э.

При рекогносцировке близлежащей местности примерно в 200 м от курганной группы было обнаружено грунтовое бескурганное погребение. Оно было совершено в неглубокой (100–107 см от поверхности) прямоугольной яме, размером 2,3×0,6 м с северо-восточной ориентировкой (рис.). В числе обнаруженных в захоронении артефактов были железный кинжал без навершия и перекрестья, костяные наконечники стрел и круглая бронзовая поясная застежка пьяноборского облика с крючком и петлей на обороте. Поздних нарушений погребения ни стратиграфически, ни планиграфически не прослежено. Однако в заполнении могильной ямы были обнаружены многочисленные ходы некрупных землеройных животных и скелеты мышевидных грызунов.

Рис. План грунтового погребения:
1 — кинжал; 2 — бляха; 3 — наконечники стрел

Радиоуглеродная дата погребения, полученная по антропологическому материалу, — 410–200 BC (68 %, Ле-6537). Таким образом, захоронение состоялось в период функционирования курганов, по всей видимости, также представителями саргатской общности, применивших в данном случае, по каким-то соображениям бескурганную ингумацию.

В погребении были расчищены костные останки человека. Часть костей находилась в сочленении, часть в анатомическом соответствии, часть без анатомического порядка. Некоторые костные фрагменты были обнаружены в верхнем заполнении (мелкие кости, ребра, позвонки) или на дне ямы вне условного контура скелета (фрагменты ребер и позвонков). Ребер и позвонков в целом найдено очень мало.

В сочленении оказались элементы ног от берцовых до тазовых костей. В анатомическом соответствии к ним находился череп. Близко к анатомическому соответствию располагались обе плечевые кости, левая локтевая и обе пяточные кости. Вне анатомического порядка находились нижняя челюсть, позвонки, ребра, обе ключицы, левая лопатка, правые локтевая и лучевая кости (однако последние — в анатомическом соответствии по отношению друг к другу).

Череп располагается на чешуе затылочной кости, по центру верхнего отдела ямы. Лицевой отдел разрушен, его фрагментов обнаружено не было. Рядом с черепом найден фрагмент атланта. В целом ножной отдел скелета смещен к северо-западной стенке могильной ямы. Тазовые кости лежат на наружных поверхностях — раскрыты. Бедрa сходятся под углом друг к другу. Коленные суставы сильно сближены. Коленные чашечки лежат на дистальных отделах бедренных костей. Большие берцовые кости образуют параллельные линии. Обе пяточные кости обращены буграми вправо. Нижняя челюсть находится у дистального эпифиза правой плечевой кости. Обе плечевые располагаются параллельно друг другу и образуют острый угол с длинной осью ямы. Правая ключица лежит в области правой локтевой кости, которая находится в анатомическом соответствии с правой плечевой.

Между правыми бедренной и берцовыми костями с одной стороны и стенкой ямы с другой было расчищено компактное скопление костей человека. В нем находились элементы этого же скелета: правые ключица, лопатка, локтевая, лучевая, ребра, позвонки, фаланги пальцев кисти. Длинные оси трубчатых костей располагаются параллельно друг другу и длинной оси ямы. Скопление сконцентрировано между элементами правой ноги и стенкой ямы. Вне этой площади оказываются правая локтевая (лежит на бедренной кости) и пара ребер (располагаются с левой стороны от бедра). Здесь же параллельно длинным костям правой ноги находился кинжал.

Таким образом, в наблюдаемых смещениях от правильного анатомического положения прослеживается следующая закономерность: кости смещены в северо-восточном направлении, т. е. от черепа к ногам и к восточной стенке ямы.

Посредине юго-западной части ямы были обнаружены несколько наконечников стрел, располагавшихся компактным скоплением. Наконечники лежали рядом друг с другом, слева от предполагаемых ступней, их острия были обращены в ножном направлении. Поясная бляха находилась в заполнении над головкой правого бедра.

Судя по несмещенным элементам, скелет располагался на дорсальной поверхности, головой на северо-восток. Останки принадлежат мужчине, умершему в возрасте 25–35 лет.

Обсуждение

Нами предлагаются два сценария, которые могли привести к описанному выше положению костяка и инвентаря.

Согласно первому из них мы имеем дело с нарушенным первичным погребением. В этом случае могильная камера не засыпалась и была защищена перекрытием, которое находилось не ниже уровня

древней дневной поверхности, так как в любом другом случае грабительский лаз прослеживался бы стратиграфически. В то время, когда большинство мягких тканей уже истлело, грабители «проникли» в могилу, полностью или частично разрушив перекрытие. В ходе поиска ценных вещей или иных манипуляций большинство костей верхнего отдела скелета было отодвинуто к стенке. Тогда же был разрушен лицевой отдел черепа. Встреченные в заполнении могильной ямы мелкие кости могли попасть туда в результате оползания краев погребения, если ранее они были выброшены грабителями. Малочисленность позвонков и ребер также может объясняться тем, что они были изъяты из могилы. Разнести часть мелких костей на разные уровни могли землеройные животные. Эту версию делает достаточно уязвимой тот факт, что никаких остатков «перекрытия» зафиксировано не было.

Второй сценарий предполагает отсроченное захоронение. У умершего по каким-то причинам не могли похоронить сразу и хранили достаточно продолжительное время до проведения надлежащего обряда. При этом тело было завернуто в мягкие «пелена», достаточно крепко зафиксировавшие положение головы, таза, коленей и голеностопных суставов. Труп находился в положении, при котором ноги располагались ниже головы, а левая сторона была несколько выше правой. В ходе разложения незафиксированные и уже несочлененные скелетные элементы перемещались, возможно, ниже. Погребение состоялось, когда тело находилось в частично разложившемся состоянии. Это подтверждается тем, что «сместились» внутри предполагаемого кокона именно те скелетные элементы, соединения которых наименее устойчивы к разложению — ключицы, элементы грудной клетки, позвонки, нижняя челюсть. Кости же ног, имеющие наиболее прочные сочленения, на момент погребения еще сохраняли связки [Dirkmaat, Sienicki, 1995; Roksandic, 2002]. Расположение бляхи несколько над скелетом допускает ее принадлежность к фиксирующим элементам погребального свертка. Обстоятельства нахождения наконечников стрел говорят о том, что они, возможно, были помещены в колчан, а они, в свою очередь,— внутрь погребального свертка. Некоторые мелкие кости были перемещены уже после истлевания «кокона» на разные уровни грызунами, следы жизнедеятельности которых, как уже было отмечено, надежно зафиксированы. Часть элементов (ребра, позвонки) полностью истлела в ходе естественных процессов.

Заключение

Взаиморасположение сочлененных и несочлененных скелетных элементов, а также археологический и тафономический контексты анализируемого погребения, к сожалению, не позволяют сделать однозначных выводов о первоначальном положении тела погребенного и его анатомической целостности на момент совершения погребения. Рассмотрены две вероятные модели, объясняющие зафиксированные особенности нахождения скелетных останков.

Первая из них предполагает существование полностью несохранившегося перекрытия. Конструкция погребальных сооружений некоторых сибирских народов допускает возможность достаточно легкого проникновения в не засыпаемую грунтом могильную камеру [Очерки..., С. 359, рис. 50а], и факт такого нарушения могилы не может быть впоследствии прослежен стратиграфически. Если эта гипотеза верна, то проникновение в могилу и ее нарушение произошли в период, когда мягкие ткани и связки трупа в основном уже разрушились.

Вторая версия рассматривает возможность отсроченного погребения частично разложившегося трупа, находившегося в зафиксированном, «спеленутом» состоянии. Захоронения в берестяных и кожаных «чехлах» хорошо известны в обрядовой практике многих сибирских народов. Отсроченность погребения может быть связана с обстоятельствами смерти (вдали от родового кладбища) или сезонностью совершения захоронений. В западно-сибирской этнографии мы находим яркие свидетельства существования практики сезонных отсроченных погребений. Умерших зимой заворачивали в шкуры животных или бересту, подвешивали на деревьях или хранили на специальных лабазах до весны, когда и осуществлялось окончательное погребение [Кутафьев, 1938. С. 8; Чернецов, 1959. С. 154; Пелих, 1972. С. 72–73].

Благодарности

Авторы выражают искреннюю признательность С. В. Шараповой за содействие в написании данной работы и за предоставление неопубликованной информации. Авторы также весьма благодарны А. А. Ковригину за поддержку во время экспедиционных работ и деятельную помощь при обсуждении текста.

Литература

- Кутафьев П. И.* Отчет об археологических исследованиях по Нарымскому округу за 1938 г. Т. 4. // Архив МАЭС ТГУ. № 116-2.
- Очерки культурогенеза народов Западной Сибири.* Т. 2. Мир реальный и потусторонний Томск: Изд-во ТГУ, 1994. 475 с.
- Пелих Г. И.* Происхождение селькупов. Томск: Изд-во ТГУ, 1972. 423 с.
- Чернецов В. Н.* Представление о душе у обских угров // Тр. Ин-та этнографии. М., 1959. Новая серия. Т. 51. С. 114–156.
- Шарапова С. В.* Отчет о раскопках Сопининского могильника в Шатровском районе Курганской области в 2002 г. Екатеринбург, 2003 // Архив отдела археологии и этнографии ИИА УрО РАН. Д. 96, 96А.
- Шарапова С. В., Ковригин А. А., Корякова Л. Н., Микрюкова О. В., Ражев Д. И.* 2003 Раскопки Сопининского могильника в Шатровском районе Курганской области // АО 2002 г. М.: Наука, 2003. С. 309–310.
- Dirkmaat D. C., Sienicki L. A.* Taphonomy in the northeast woodlands: four cases from western Pennsylvania // Proceedings of the 47th Annual Meeting of American Academy of Forensic Sciences. Seattle, 1995. P. 1–10.
- Duday H.* Archaeologie funeraire et anthropologie // Cahiers d' Anthropologie. 1978. № 1. P. 55–101.
- Garland A. N., Janaway R. C.* The taphonomy of inhumation burials // Burial Archaeology Current research, Methods and Developments. University of London, British Archaeological Reports International. Series 211. Oxford, 1987. P. 14–38.

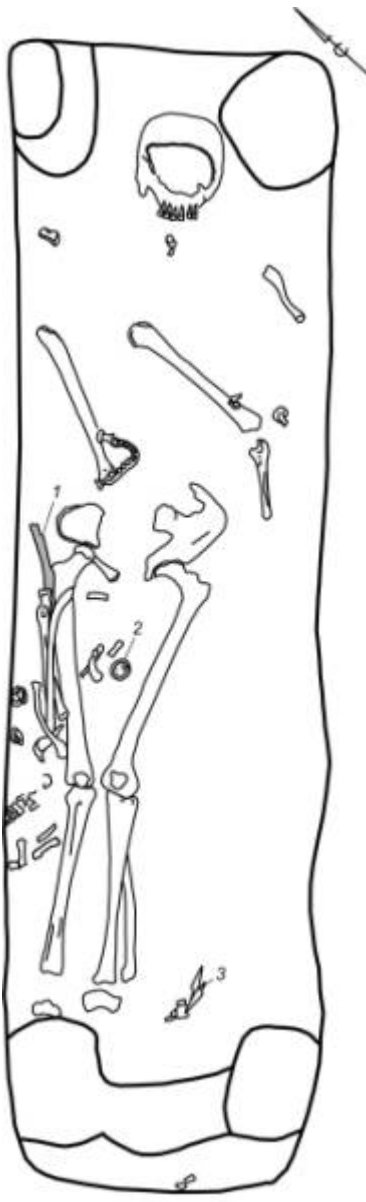
Roksandic M. Position of skeletal remains as a key to understanding mortuary behavior // *Advances in Forensic Taphonomy: Method, Theory and Archaeological Perspectives*. Boca Raton, London, New-York, Washington: CRC Press, 2002. P. 100–117.

Saul J. M., Saul F. P. Forensics, Archaeology and Taphonomy: The Symbiotic Relationship // *Ibid.* P. 72–97

Ubelaker D. H. Human skeletal remains. Excavation, analysis, interpretation. Taraxacum for Smithsonian Institution, *Manuals in Archaeology* 2, Washington. 1989. 240 p.

*Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН,
Бордо, Национальный центр научных исследований Франции,
палеоантропологическая лаборатория университета,
Томск, Томский государственный университет*

The paper considers an earth non-mound burial of the Early Iron Age constituting the Sopinino necropolis in the north of Kurgan Oblast. The burial contains the remains of a male adult with accompanying artefacts: a dagger lacking the hilt extremity and cross-piece; bone arrow heads; a belt fastening of the Pyanobor type. The burial complex was investigated in terms of field anthropology – a direction new in the Russian archaeology. The article cites two possible scenarios that determined the position of the skeleton fragments and artefacts to be observed under the excavations. The first refers to the primary, and plundered, burial, whilst the second – to the later added burial.

0 10 cm